

Наталья

Алфёрова

Не лови золотого коня

Наталья Алфёрова

Не лови золотого коня!

«Литнет»

2023

Алфёрова Н.

Не лови золотого коня! / Н. Алфёрова — «Литнет», 2023

Россия, вторая половина XIX века. Не дают покоя искателям приключений тайны древних курганов. По легенде спит под одним из них хан Мамай и стережёт его покой конь из чистого золота. Сыну одного из богатых помещиков, решившему отправиться на поиски легендарного коня, нужны надёжные слуги. Работящие, не суеверные. Потому и берёт он с собой бывшего отцовского крепостного, парня по имени Егор. Ведь тот не побоялся мавку замуж позвать. Вот только не знает молодой барин, что русалка в благодарность дала несостоявшемуся жениху совет: не ловить золотого коня.

Содержание

Глава первая. Ульянка	5
Глава вторая. Ворожея	9
Глава третья. Что было, что будет	12
Глава четвёртая. Прощальные слёзы	15
Глава пятая. Девятый день	18
Глава шестая. Полнолуние	21
Глава седьмая. Барчонок	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава первая. Ульянка

Ночь звёздная выдалась, тихая. Легко потрескивал костёр, фыркали пасущиеся неподалёку кони, сопели прикорнувшие на дедовом тулупчике Васька с Филькой, соседские ребята. Егор подкинул веток в огонь и, не удержавшись, вздохнул. Угораздило же порезать ногу в самый сенокос. Да ещё и батька плетью приголубил за ротозейство. Горяч он, их батька — сестрёнок малолетних ещё жалел, а Егору с маменькой частенько прилетало, знай, уворачивайся.

Вот и получилось, что днём Егор кашеварил, а вечером отправлялся с ребятами в ночное вместо Филькиного деда, прозванного Зуда из-за редкостного занудства. И деду, и парнишкам, Егорова немощь была в радость. Первый мог спать дома на печи у бабки под боком, а вторые — отдыхать от бесконечных поучений.

Неожиданно повеяло прохладой, нервно заржал вожак, столпились вокруг него кобылицы с жеребятами. Казалось, миг, и сорвётся табун с места, разрывая путы, летя по лугу навстречу ветру.

— Орлик, тихо, — сказал Егор вожаку.

Васька с Филькой сели, и тоже усталились на табун, протирая заспанные глаза. Лошади успокоились, как по приказу.

— Как будто чужак пришёл, — протянул Васька.

Повернувшись к костру, Егор вздрогнул: по ту сторону стояла Ульяна, Васькина старшая сестра.

— Улья, чего от тётки ушла? — строго, копируя взрослых, спросил Васька. — Опять за Стёпкой бегать будешь? Смотри, отлупит батька розгами, как обещал.

К тётке, в соседнюю деревню, Ульяну отправили родители от греха. Влюбилась девка без памяти в сына старосты Степана, не устояла перед писаной красотой парня. А тот изгалялся: то к себе призовёт, то прочь отправит. И до Ульяны многим девкам красавец головы морочил, не раз и не два старосте откупаться пришлось.

— У огня погреюсь и пойду, — сказала Ульяна тихо, словно ветер в листве прошелестел.

Она присела на стоящий по ту сторону костра пенёк и протянула к костру руки.

Защемило у Егора сердце от жалости, такая Ульяна бледная, исхудавшая, взгляд печальный, словно мороком затянут. Помнил ведь, как в детстве вместе по заборам лазили, да у деда Зуды яблоки воровали. Задорная раньше была Ульяна, хохотушка, куда что делось?

— Ульянка, — сказал он, — бросай Стёпку, пошли за меня замуж. Ты не смотри, что на рожу неказист, с лица воду не пить. Буду жалеть тебя, любить, руку ни в жисть на тебя не подыму.

Васька с Филькой захихикали, подумали, шутит старший дружок. Ульяна посмотрела на Егора черными, как омуты глазами, словно в душу заглянула, и ответила:

— Славный ты, Егорша. Жаль, раньше тебя не разглядела. Пойду, нужно до первых петухов успеть.

— Постой, проведу до дома, — сказал Егор, вскакивая и морщась от резкой боли. Про ногу-то забыл.

— Сиди уж, провожатый, — сказала Ульяна, махнув рукой. Ласково сказала, а без улыбки. Она встала, поправила платок на голове, перекинула за спину косу и пошла прочь. Сделав два шага, повернулась и добавила глухо: — За доброту твою, Егорша, послушай совет: не лови золотого коня. Бывайте, не поминайте лихом.

После чего Ульяна поклонилась в пояс и, уже не оборачиваясь, пошла по лугу в сторону перелеска. На Егора напало странное оцепенение, отпустившее, только когда тонкая девичья фигурка скрылась за деревьями.

— Васька, Филька, бегите следом! — воскликнул он. — Видите, не в себе Ульянка. Догоните, до дома доведите, маменьке её с рук на руки сдайте.

Ребятишки сорвались с места, но вскоре вернулись.

— Нигде нет, — доложил Филька, когда отдышался, затем вытаращил глаза и дрожащим пальцем показал на пенёк, на котором сидела Ульяна.

Весь покрытый инеем, пенёк медленно оттаивал, по дереву струились ручейки похожие на слёзы. Васька заревел, а Филька размахисто перекрестился.

— Беда случилась, поеду до дома, народ на поиски поднимать, — сказал Егор. — Седлайте Ворона. Справитесь без меня?

— Орлик быстрее, — сказал Васька, вытирая слёзы рукавом рубахи.

— Без жожака табун не буду оставлять, — твёрдо сказал Егор, и так беспокоился, управятся ли ребятишки. «Деда Зуду растолкаю, сюда отправлю», — подумал он. Сам Егор собирался искать Ульяну вместе с остальными. Со стороны села раздались крики первых петухов.

Всполошил Егор село. Многие на поиски отправились. Вдоль берега реки прошли до самой излучины. Кто с факелом, кто с лампами. Староста керосиновую лампу не пожалел. Сыну при всех пообещал шкуру спустить. Сильно обозлился, хоть и морочил отпрыск девок, ни одна пока руки на себя наложить не пыталась.

— Ой, гляньте, на отмели что-то белеет! — воскликнул кто-то из парнишек через полчаса от начала поисков.

Ребятня за взрослыми увязалась. Для них всё приключением казалось, но и малых пронял надрывный вопль Ульянкиной матери:

— Ульянушка, доченька! Что ж ты натворила!

Кинулась мать к реке, еле от берега два мужика оттащили. Отец Ульяны, Иван-кузнец, как был, в одежде в воду нырнул. Староста Степану такую затрепину отвесил, тот на ногах не удержался.

В молчании стояли односельчане, пока отец девушки плыл к тому берегу. Хоть и светили ему, а не разобрать было, что он там, на отмели возится. Возвращался Иван, держа над водой руку со светлой тряпицей. Ещё до конца не выйдя, крикнул:

— Не Ульянка, нет. Полотно белёное кто-то из баб в стирку упустил.

Несчастливая мать на землю села и встать не может, ноги отнялись. Иван рядом опустился, обнял, а та прикинула к нему, всхлипывая, даже рубахи мокрой не заметила. На всех словно холодом мертвенным дохнуло от реки.

— Так, может, Ульянка-то обратно к тётке отправилась? — предположил дед Зуда. — Вон Егорша сказал, Васька ей грозил батюкиными розгами.

Деда на берег со всеми бабка отправила, заявив, что пострелята и одни с лошадаками управятся, а ей из первых рук новости знать надо.

— Какие уж тут розги... — сказал Иван и замялся, но все словно услышали несказанное: «Живой бы найти».

Он в дедово предположение не особо поверил, а вот мать ободрилась, воскликнув:

— Да, да, точно к сестрице моей побежала! Та всегда племяшек защищает. Своих-то деток Бог не дал.

— Давайте, я съезжу в Семёновку, — предложил Егор, он так на Вороне и искал.

— С рассветом отправишься, не хватало ещё, чтоб ты шею свернул, — распорядился урядник, который только вместе с сотским в пролётке подъехал, и тут же руководить принялся. Хотя по службе ему бы в первых рядах быть. Но сельский полицейский отличался ленью, особенно в делах поисковых. Руководствуясь изречением: Бог даст, найдётся.

— И то, правда, — согласился староста. — Дорога на Семёновку вся в колдобинах. Не сам свалишься, так коня угробишь. Езжай домой, Егорша.

— Разойтись! — скомандовал урядник. Сотский что-то зашептал ему на ухо. Урядник недовольно поморщился и сказал Ульянкиной матери: — Тебя, мамаша, в пролётке до дома доставим. Пусть твой мужик тебе фельдшера позовёт.

— Спасибо, ваше благородие, непременно позову, — поклонился Иван после того, как на руках донёс жену до пролётки и усадил напротив полицейского начальника.

— Трогай! — сказал урядник сотскому, занявшему место на облучке.

Сельчане расходились по домам под крик вторых петухов, до третьих и рассвета совсем немного оставалось. Егор отправился спать в сарай, но не смог глаз сомкнуть. Еле утра дождался. Запряг Ворона и потихоньку, чтоб не разбудить домашних, повёл под уздцы к выходу. Дворовый пёс Серый, помесь собаки с волком, глухо зарычал, повернув голову в сторону соседей.

В соседский дом входил незнакомый стражник. Рядом с воротами стоял его конь. Егор замер, терзавшие его нехорошие предчувствия усилились. От соседей раздался женский крик, полный боли и горя.

— Утопла всё же, Ульянка, — произнёс Егор, перекрестился и прошептал: — Упокой, Господи, её грешную душу.

Вновь собрались вместе сельчане, во двор вошли, кому места не достало, встали за невысоким забором и у распахнутых настежь ворот. Пришедший с ночного Васька прошмыгнул в дом под ногами стоящих. Филька и дед Зуда остались у двора.

Подъехавший на пролётке урядник церемониться не стал, расталкивая толпу, двинулся к крыльцу. Приехавший из Семёновки стражник принялся быстро и негромко ему что-то докладывать.

— Когда-когда, говоришь, девица утопилась? — спросил громко урядник.

— Вчера, за час до полудня! — доложил стражник, тоже громко.

Урядник нашёл глазами в толпе Егора и сказал:

— Что же ты, шельма, врёшь, что сию девицу этой ночью видел?

— Клянусь! Вот те крест! — воскликнул Егор, перекрестившись, и добавил: — Со мной и Филька с Васькой были.

По толпе прошёл гул, не замечен был Егор во вранье. Да и ребяташки тоже знали, когда соврать можно, а когда и не следует.

— Ой, так это ведь мавка была, — охнула одна из баб.

— Самая страшная из русалок, — подхватила вторая.

Третья добавила:

— Утопленниц, перед тем, как в услуженье забрать, водяной отпускает со светом белым проститься!

— Свезло вам, пострелята, что мавка душеньки из вас не высосала, не выморозила, — произнёс дед Зуда, приглаживая торчащий вихор внука.

Филька, до того стоящий с открытым ртом, вдруг ойкнул и, показывая пальцем на Егора, выдал:

— А Егорша-то мавку замуж позвал! Бросай, говорит, Ульянка, Стёпку, за меня иди.

Толпа дружно охнула, люди непроизвольно попятились от Егора. Настала очередь его матери голосить. С криком:

— Сыночек, родненький! — она подбежала к Егору, крепко обняв.

— Всем разойтись! Нечего тут суеверия разводить! — рявкнул урядник, до того сам внимательно слушавший разговоры. — Дело ясное. Самоубийство.

Он, позвав стража, направился прочь со двора. Сотский немного задержался, обратившись к людям:

— Кто помочь желает, оставайтесь. Остальные идите. У людей двойное горе. Дочь утопла, да и не похоронишь, как следует. Могилка будет за кладбищем, отпевать нельзя. Эх, девица, что ж сотворила с собой, глупая.

Сотский снял фуражку, перекрестился и бегом поспешил к пролётке.

Глава вторая. Ворожея

После того, как пролётка отъехала, староста принялся распределять, кому нужно остаться на помощь семье кузнеца. Бабы же окружили Егора с его матерью и принялись наперебой давать советы, как от неожиданной напасти избавиться.

— Задобрить водяного надо, — утверждали одни.

— Нет, нельзя Егорше к реке и близко подходить, — твердили другие. — Вдруг мавка жениха забрать надумает.

— Оберег сделайте, — подсказывали третьи. — На воротах, дверях, ставнях кресты восковой свечкой нарисуйте.

Мать Егора после этих советов совсем с лица спала. Растолкав остальных, вперёд выступила бабка деда Зуды. Она выпрямилась, опираясь на батожок, приняла благостный вид и изрекла:

— В церковь идите. Батюшка отмолит.

— Эх, жаль отец Макарий помер, — со вздохом протянула её сноха. — Он точно бы помог. А нынешний хоть и после семинарии, чужак он здесь.

Многие закивали, а бабка ткнула сноху кулаком в бок:

— Что мелешь? Упаси Бог, кто услышит, — и выразительно покосилась на идущего в их сторону старосту.

— Ну, что, бабоньки, почесали языками, и будет. Трава сама себя не скосит, не высушит, в стога не ляжет, — сказал староста и добавил: — Ивану денег на гроб и могильщиков я сам выделю. Привезут Ульяну, к обеду схоронят. Что стоите? Рысью на стан. Егорша, церковь хорошо, но ты и к Ворожее загляни. Тебя и твою матушку до полудня отпускаю.

После этих слов староста зашагал в сторону своего дома с видом мрачным и решительным.

— Ох, не поздоровится Степановой спине, — протянула одна из молодых.

— И поделом, — раздалось сразу несколько голосов.

Толпа разошлась, часть по домам, часть на стан на дальних лугах. Егор с матерью вошли в дом. Вся семья уже сидела за столом, лишь их ждали. Отец грозно глянул на мать, а та и не заметила, ловко ухватом достала из печи чугунок с кашей, поставив на стол. Дед как глава поблагодарил Господа за хлеб насущный и первым взял деревянную ложку. Ели, молча, даже сестрёнки Егоровы не шалили. Не хотели получать ложкой по лбу не от отца, так от деда.

После завтрака, маменька метнулась к сундукам, доставая праздничную одежду и обувь для себя с сыном.

— В церковь пойдём, Егоршу отмаливать, староста отпустил.

Дед с бабкой, да и отец смолчали, лишь из под насупленных бровей наблюдали, как суетится по избе мать, как складывает в корзину свежий хлеб и яйца.

— Куды? — не удержалась бабка.

— К Ворожее заглянем, — ответила мать, даже не взглянув в сторону свекрови. А когда она вынула из-за оклада тряпицу, с завернутыми в неё деньгами, не удержался отец.

Он встал и преградил дорогу жене.

— А ну, на место верни!

Для острастки кулаком замахнулся.

— Жалеешь? Для сына родимого? А что я церкви пожертвую? На что свечи накуплю? — неожиданно взъярилась всегда спокойная маменька, наступая на мужа.

Тот, ни разу до того не встречавший отпора, отошёл в сторону, пропуская жену к корзине. Сестрёнки Егора на печку забрались, они всегда так делали, когда батя злился, а тут ещё и маменька осерчала.

— Поучить надо, сынок, жену, — подал голос дед. Бабка ему принялась поддакивать:

— Ишь чего вздумала, мужику перечить!

Маменька обернулась, глазами сверкнула и произнесла:

— Пока Егоршу не отмолю, если кто на пути встанет: проклянцу!

— Ведьминское отродье, — прошипела бабка, но на неё никто внимания не обратил. Снох своих бабка не жаловала.

Егор с трудом обул на замотанную ногу башмак. Маменька, скрывшаяся за занавеской, отделявшей родительскую кровать, оделась быстро. Она вышла, поправляя на плечах расписанный цветами полушалок. Взяла Егора за руку и повела к двери.

— Вот только вернись! — зло бросил ей в спину отец.

Маменька и бровью не повела. Егор, хромя, еле успевал за ней, идя по улице в сторону церкви.

— Прости, матушка, — сказал Егор. — Мне самому бы, без тебя всюду сходить. Батька бы так не ярился.

— Сам ты уже мавку замуж позвал, — резко ответила мать. Посмотрев на сына, она сбавила ход и спросила: — А когда твой батька не ярился? Вот то-то. Ладно, чай не прибьёт.

Егору их село показалось непривычно пустым. На улицах никого не было, у колодца тоже. Лишь лаяли кое-где собаки, да кудахтали роющиеся в пыли куры. Егору стало не по себе, хотя понимал, что одни сельчане на сенокосе, другие на подёнщине у барина наделы отрабатывают, как его дядя с женой. Ребяшня тоже при деле: гусей с гусятами на лугах пасут, с младенцами нянчатся, да мало ли в эту пору работы?

Церковь, каменная, новая, стояла на холме, издалека слепя глаза белизной стен и позолотой куполов. За ней возвышалась деревянная колоколенка. У подъёма на холм Егор с матерью остановились, отдыхая. Из церкви вышел Иван-кузнец. Казалось, за ночь он постарел на десяток лет. Поравнявшись с соседями, он сказал:

— Ходил вот, просил дозволения подхоронить Ульянку в могилу к моей матушке. Деньги, что на приданое копили, предлагал. Да где там. Эх, Егорша, что ж дочь выбрала не тебя, а Степана...

Кузнец, сгорбившись, пошёл к дому сельского плотника. Ему ещё предстояло ехать за телом дочери в Семёновку. Маменька перекрестила его вслед и посмотрела нетерпеливо на сына. Егор подумал, будь он маленьким, маменька бы побежала с ним на руках в церковь. Кивнул, и они принялись взбираться на холм.

Вскоре они выходили из церкви почти с тем же видом, что и Иван-кузнец. Новый священник даже слушать толком не стал, попеняв на темноту местных прихожан и склонность к суевериям. Правда, после щедрого пожертвования батюшка пообещал помолиться о здравии раба Божьего Егория. Мать накупила свечей, поставила к иконам, помолилась Богородице. Егор тоже свечи поставил за здравие, а одну втихаря за упокой Ульянки. Хоть оно и не положено, но Господь добрый, поймёт. Не может же один грех всю жизнь праведную перечеркнуть.

Несколько свечей маменька завернула в тряпицу и в карман юбки сунула. «Кресты рисовать», — сообразил Егор.

Спустившись с холма, они направились к окраине села. Там, в лесу стояла изба Ворожеи. Мало уже кто в селе помнил настоящее имя молочной сестры их бывшего барина. Лет за двадцать до того, как все стали свободными, отец барина умер, завещав вольную кормилице сына и её дочери. Но они не захотели далеко уходить и поселились в охотничьей избе.

Поговаривали, что Ворожея не только молочная сестра старому барину, но и единокровная. Отец барина частенько с дворовыми девками грешил. Супружница его, знай, успевала тех в дальние деревни замуж отдавать, а кого и вовсе продавала.

Всё это рассказывала Егору маменька, пока они шли сначала по улице, а затем и по лесной тропинке. У Егора нещадно болела втиснутая в башмак нога. Не выдержав, он остановился, снял обувь, связал шнурки и перекинул через плечо. Маменька лишь вздохнула тяжко.

— Никак, сглазил тебя кто, сынок. То ногу сбередил, то вот мавку встретил, — сказала она.

— Вот сейчас у Ворожеи и спросим, — ответил Егор, тоже вздыхая, только от облегчения. Идти босым оказалось куда проще.

Тропу к охотничьему домику хорошо проторили: ходили кому сглаз снять, кому на жениха поворожить, кому немощ какую залечить, а кому и прошение составить, письмецо написать. Ворожея грамоту разумела. Злые языки нарекали её ведьмой, не прижилось. Порчу Ворожея не наводила, трав, чтоб плод вытравить, гулящим девицам не давала. Опять же в церковь часто ходила, да и с отцом Макарием, старым священником дружна была.

Правда с новым батюшкой она в пух и прах разругалась после первой же его проповеди. Батюшка её анафеме предал, а Ворожея поклялась, что ноги её в церкви не будет, пока он в этом приходе. Сказала, что лучше в город в храм ездить будет. Никто в селе толком не понял сути спора, что-то о богословских учениях.

Поначалу народ Ворожею осудил, правда, за глаза. Мало ли когда понадобится, ведь, к примеру, у деток малых испуг лечить, она одна и умела. Но пообщавшись с новым батюшкой, все стали поговаривать: «Да, это не отец Макарий. Царство ему Небесное».

Изба Ворожеи оказалась добротной, большой, по обе стороны имелись сараи. Перед одним сушились на раскинутом полотне травы. Дверь была приоткрытой, словно хозяйка кого-то ждала.

Маменька шагнула на крыльцо первой. Егор поспешил за ней, вошли они в избу одновременно.

— Доброго утра, тётушка Ворожея, — произнесла маменька, крестясь на висящие в красном углу иконы.

Хозяйка, немолодая, высокая, с крупными чертами лица, сидела у стола и тасовала колоду карт. Устремив пронзительный взгляд тёмных глаз на Егора, она резко спросила:

— Согласие было?

— Что? — не понимая, переспросил он, невольно попятившись и упираясь спиной в косяк.

— Мавка дала согласие идти за тебя? — уточнила Ворожея.

— Н-нет, — ответил Егор, растерявшийся от пристального внимания. Взгляд Ворожеи притягивал, не давая возможности отвлечься или оглядеться. Егор продолжил, слова словно сами, без его воли, произносились: — Сказала, жалеет, что раньше не разглядела, чтоб лихом не поминали. Простилась с поклоном. А мне за доброту совет дала: не ловить золотого коня.

Маменька, услышав подробности, охнула, приложив руку ко рту. А после того, как Ворожея перевела взгляд на неё, поспешила сказать, показав корзину:

— Вот, тётушка, гостинец тебе.

— На лавку поставь. Сами тоже садитесь, — сказала Ворожея и вновь опустила глаза на карты, ловко перемешивая колоду.

Егор потихоньку огляделся. Зажиточно жила Ворожея, кровать деревянная под пологом, шторы бархатные, шкаф резной, посуда в нём почти как у барина в усадьбе. Оклады у икон позолоченные. На столе самовар с росписью, голова сахара, булки маковые. Видать, не вралі люди, сестра Ворожея их бывшему барину. С подношений благодарных такого не наживёшь. Да и на лицо очень они с барином похожи. Маменька тоже украдкой осматривалась. Когда Ворожея вновь подняла голову, Егор с маменькой невольно выпрямили спины и замерли под пронзительным взглядом.

Глава третья. Что было, что будет

Ворожея встала со стула с резной гнутой спинкой и выложила на стол бубнового короля. Затем протянула карты Егору, коротко приказав:

— Тасуй.

Сама же подошла к иконам, прикрутила фитиль у лампадки, прошептала что-то типа: «Прости, Господи, меня грешную» и задёрнула красный угол специальной занавеской.

— Тётушка Ворожея, — позвала маменька, — посмотри, не сглазил ли кто Егоршу.

Егор старательно тасовал колоду. Карты, новенькие, атласные, гладкие, словно гладили пальцы. Он таких и не видел ни разу, хотя девки в селе гадали частенько, да и мужики никогда не отказывались в дурака перекинуться. Но разве сравнишь их потрёпанные старенькие колоды с этой.

— Сдвинь от себя левой рукой, — распорядилась Ворожея, забрала колоду и ответила маменьке: — Расклад посмотрю на Егоршу, на сглаз и порчу проверю, ногу подлечу. На гаданье, так и быть, оставайся. А дальше пойдёшь на завалинку у дома, там подождёшь. Бабам в тягости, не должно обряд видеть. Ежели только их самих не пользуют.

Егор с матерью переглянулись, затем дружно усталились на Ворожею.

— То-то я думаю, почему малинки захотелось. Да так, что спасу нет, — протянула маменька.

— Ты и сама бы на днях догадалась, — сказала ей Ворожея и добавила: — Парня носишь.

— Ой, спасибо, тётушка, за добрую весть, — сказала маменька, счастливо улыбувшись.

Бабка Егорова постоянно её шпыняла, мол, нам работники в семью нужны, а ты одного лишь парнишку принесла, остальные девки.

— Слышала, мужик у тебя гневлив, да на расправу скор, — сказала Ворожея. — Так вот, передай, ежели руку на тебя поднимет, пока ты в тягости, я его силы мужской лишу.

От ставшего зловещим голоса Ворожеи даже Егору не по себе стало, маменька и вовсе ойкнула и поспешила спросить:

— А вдруг случайно не сдержится?

— Поверь, лучше ему удержаться, — усмехнулась Ворожея и, в сердцах, добавила: — Замучилась я деток от младенческой падучей отливать. Чтоб не было такого, их ещё в утробе беречь надобно. Понятно?

— П-понятно, — слегка запнувшись, ответила маменька, кивая.

Хозяйка избы приступила к гаданию, она разделила колоду на четыре части и разложила рядом с бубновым королём, над ним и прямо на него, приговаривая:

— Что было, что есть, что будет, чем сердце успокоится. — Затем принялась вытаскивать нижние карты и выкладывать изображением вверх. Егору с маменькой со скамьи всё было хорошо видно. Ворожея сопровождала свои действия объяснениями: — Что было: десятка пик. Болезнь. Что есть: девятка пик. Слезы, потеря друга. Тут всё ясно. Что будет: трефовая шестёрка. Ждёт тебя, Егорша, дорога дальняя, неожиданная. Чем сердце успокоится: опять шестёрка, только буби. Тоже дорога, только радостная. Что бы ни было, закончится хорошо.

— Слава тебе, Господи, — прошептала маменька и перекрестилась.

— Иди на завалинку, — велела ей Ворожея. Взяла со стола небольшой туесок и протянула: — Держи малину, пока ждёшь, чтоб всю съела. Как закончим, позову, всё, как есть, обскажу.

Маменька, взяла туесок, поклонилась и быстро вышла. Егор подумал, что, несмотря на строгость, Ворожея добрая, но всё равно продолжал испытывать что-то вроде робости.

Ворожея, между тем, готовилась к обряду: поставила в центр избы стул с витой спинкой, достала из под лавки небольшую деревянную бадью, плеснув туда воды из ведра. Вынула

из корзинки пару яиц, а из шкафа гранёный стакан с водой, на дне которого лежал серебряный крестик, пустой стакан, широкую миску, свечи в подсвечниках и кусок воска в маленьком ковше. С каждым вынутым предметом Егору становилось всё тревожнее. Когда же Ворожея достала какую-то мазь, сапожный нож и тугой моток узкого полотна, еле подавил желание бежать. Уж очень сильно напомнило последнее поход к фельдшеру.

— Что делать, тётушка Ворожея? — спросил он, не выдержав молчания.

— Садись на стул. Ногу больную в бадью, повязка пусть отмокнет. Сиди ровно, пока говорить не велю, молчи, — скомандовала Ворожея.

Егор послушно присел, опустил устало гудевшую ногу в бадью с водой и замер, не сводя с Ворожеи настороженного взгляда. Первым делом она долго катала по его голове яйцо, что-то беззвучно шепча. Затем разбила яйцо в пустой стакан, поставила Егору на голову и вновь зашептала. На этот раз справилась быстрее и принялась разглядывать содержимое стакана. Белок стал светло-серым, а желток потемнел. Ворожея хмыкнула, затем встала перед Егором, приказав.

— Смотри мне в глаза, взгляда не отводи, Расскажи о встрече с мавкой.

Егор посмотрел в карие, почти чёрные глаза и почувствовал, как его затягивает в них, словно выворачивая душу, возвращает в ту ночь. Слова лились сами, а он видел, как наяву то, о чем говорил.

Теперь только ясно осознал то, что по первости не заметил. Неживой вид Ульянки, необычный голос, прохладу, что от неё через костёр веяла. Пень, покрывшийся инеем, слова о том, что успеть ей надо до первых петухов, прощание. Пророчество о золотом коне. А ещё вспомнилось, как шла Ульяна к перелеску, а трава под её ногами не приминалась.

Закончив рассказ, он воскликнул:

— Получается, я Ваську с Филькой мавку догонять отправил? На верную смерть послал? От ужаса от того, что могло произойти, Егора пробрал холодный пот.

Ворожея подтащила табуретку и сказала:

— Ногу сюда. — Она ловко разрешила повязку от колена до пальцев и скинула в бадью, легко отошедшую от раны ткань. Разглядывала ногу, качала головой. — Вот шов не снят, вот ещё один, уж гнить начал. Митрич опять что ли с похмелья был?

— Кажись да, руки у него дрожали, — ответил Егор. Митрич, сельский фельдшер выпить был не дурак. — Маменька просила батю Митричу чекушку в трактире купить, не послушал.

— Зря, — коротко ответила Ворожея и добавила: — молодец, что про чекушку напомнил.

Она метнулась к шкафу и вынула непечатую бутылку водки и чарку. Сначала налила чарку, одним махом выпила, зажевала калачом. После чего плеснула водки себе на руки, Егору на ногу, — он еле удержался, чтоб не подпрыгнуть от боли, — и на нож. Зажгла свечу и принялась прокалывать над огнём лезвие.

— Тётушка Ворожея, резать будете? — опасливо спросил Егор. Трусом парень не был, но лечиться страсть как не любил.

— Нитки вытащу, да гною выход дам, — сказала Ворожея и, произнеся: — Ну, с Богом, — двинулась к Егору, держа наготове острый нож.

«Хорошо, что маменька не видит», — подумал Егор, отвернувшись. Резкая боль заставила сжать зубы, но прошла так же быстро, как и возникла. Егор осмелился посмотреть, что там с ногой. Нитки Ворожея вытащила, надрез сделала и, поливая ногу водой из стакана с серебряным крестом, приговаривала:

— Водица святая, водица живая, заberi кровь дурную, смой боль да гнилость, яви Божью милость: от беды спасенье, от хвори исцеленье. Аминь.

— Как будто легче стало, — произнёс Егор, наблюдая, как ловкие руки накладывают на рану мазь и наматывают повязку.

— Знамо дело, легче, — сказала Ворожея и первый раз за всё время улыбнулась. Протянула баночку с мазью. — Держи. Через день мажь. Ну, ещё на свече погадаем, и можно твою маменьку звать.

Ворожея выпрямилась, сполоснула руки и лицо, на котором выступили бисеринки пота под рукомойником, висевшим у двери.

Они подошли к столу, Ворожея сунула Егору ковшик с воском и заставила держать над свечой, чтобы растопить. Сама налила воды в широкую миску.

— Готово, — сказал Егор.

— Вот сюда в центр лей, да не сразу, а потихоньку, — велела Ворожея.

Егор медленно принялся лить в воду расплавленный воск, а когда закончил, они с ворожеей в один голос произнесли:

— Конь!

Застыв, воск собрался в фигурку тонконового золотистого коня. Ворожея отправила Егора за матерью. Выйдя на крыльцо, он замер, с улыбкой смотря на придремавшую маменьку. Она улыбалась во сне, а рядышком на завалинке стоял пустой туесок из под малины. Видимо, почувствовав взгляд, она встрепенулась, открыла глаза и спросила:

— Всё уже?

Егор, молча, кивнул. Когда они вошли в избу, хозяйка успела убрать бадью, поставить на место стул, спрятать всё ненужное, отдернуть занавеску у икон. Мать с сыном вновь усьелись рядышком на лавке.

— Сглаза и порчи на Егоре нет, — без предисловий произнесла Ворожея, глядя на маменьку. — Но вот печать незримая от мавки имеется. Отливать не буду. Егорше печать не повредит, скорее, охранит от нечисти. В гаданье на свечах конь вылился. Хороший знак. Нежданные перемены в жизни, тут и дорога к месту, что на картах выпала. Может, удача. Ну, тут, как сын твой сам себя проявит, не помешают в труде усердие, воля, смелость, но и осторожность. Про совет мавки не могу точно сказать. Или впрямь настоящий конь, или предостережение, чтоб от блеска золота тебя, Егор, жадность не обуяла. Чтоб не брал ношу больше, чем унести сможешь. А теперь пойдёмте к кладбищу, проводим Ульяну, я вас короткой тропой проведу.

Ворожея накинула тёмный полушалок, сунула в карман кафтана флакон из тёмного стекла. Дала Егору старые калоши, чтоб с башмаками не мучился, а маменьке чёрный платок, вместо цветастого голову покрыть. Когда вышли, дверь на замок запирать не стала, просто плотно прикрыла. Егор с маменькой переглянулись, видать не зря ходили по селу слухи, что избушка Ворожеи заговорена от кражи. Проверить, так ли это, желающих пока не нашлось.

Глава четвёртая. Прощальные слёзы

От избы Ворожеи до дальнего участка, где издавна самоубийц хоронили, дошли быстро. Тропа, туда ведущая, не заросла, ходили по ней, видать, не раз. Не сказать, чтобы часто люди на тяжкий грех решались, руки на себя накладывая, но за годы прилично могил скопилось. Прозвали в народе участок Неупокоенным кладбищем. От обычного кладбища его овраг да рощица берёзовая отделяли.

— Жених мой тут схоронен, — неожиданно сказала Ворожея. — Не дал старый барин согласия на венчание. Больше того, велел милого моего в солдаты отправить. Ну а жених на вожжах в сарае вздёрнулся. И ведь в те года как раз срок службы с двадцати лет до двенадцати снизили. Давно бы уж отслужил мой Ванечка, а я б дождалась, даже деток успели б народить.

Ворожея промокнула глаза краешком полушалка.

— Ох, тётушка, — только и сказала маменька со вздохом.

— Не сбылось, не долюбилось, чего и жалеть, — ответила Ворожея. — Разговорилась я не к месту, да уж больно Егорша на Ванечку моего похож. Вон, смотрите, телега с гробом, ко времени мы добрались.

И впрямь с другой стороны Неупокоенного кладбища, куда вела просёлочная дорога, подходила траурная процессия. Иван-кузнец вёл под уздцы лошадь, впряжённую в телегу. На телеге около закрытого гроба, обнимая его обеими руками, сидела Ульяновкина мать. Следом шли сельчане, не так много, старики, да те, кого староста от сенокоса освободил. Сам староста тоже шёл, головы не поднимая. Из детей был лишь Васятка. На похороны самоубийц брали только тех ребятишек, что усопшему родней близкой доводились.

Двигались провожающие медленно, Егор успел могилки разглядеть. Простые холмики, без крестов, как и положено, но ухоженные. На всех лежали небольшие каменные плиты с высеченными надписями, а около некоторых и скамейки стояли.

— Тётушка Ворожея, а разве здесь надгробья разрешается ставить? — спросил Егор.

— Кресты нельзя, а на плиты с именами, да годами жизни запрета нет, — ответила Ворожея и вновь разговорилась: — По моей просьбе барин их согласился ставить. Говорит, вину свою перед нами с Ваней искупает. Побоялся за нас перед папенькой вступиться. Да я-то зла не держу. Куда волчонку до матёрого волка, барин мне одногодок, совсем юный тогда был. Я тут присматриваю за порядком, да чтоб заложные покойники не появились.

— Это те, что из могил встают, мор, засуху наводят? — спросил Егор, вспомнив страшные истории, которые ребятишки любят в ночном друг дружке рассказывать.

Ворожея, молча, кивнула и сказала:

— Пока жива, не допущу того. Да и в посмертии стражем душ неупокоенных тут встану. Грехи свои за гаданья, заговоры, лечение искупать.

— Ох, что ж ты такое говоришь, тётушка, — сказала маменька, прикладывая руку ко рту.

— Виденье было, — коротко ответила Ворожея, останавливаясь.

Они дошли до свежерытой могилы. Рядом стоял, опираясь на лопату могильщик. Вскоре и телега подъехала. Лошадь выпрягли, пастись на лужок пустили. Все встали вокруг телеги, Егор с маменькой и Ворожеей тоже подошли.

— Гвозди забивать? — спросил могильщик.

— Крышку открыть надобно, — строго произнесла одна из старух.

Кто-то вздохнул, знали люди, как утопленники обычно выглядят. Могильщик послушно снял крышку и поставил в изголовье.

Вздох уже общий раздался. Ульянка лежала в свадебном платье, с распущенными, покрытыми кружевной накидкой и венком волосами, словно спала. На бледных щеках блестели про-

зрачные капельки. На глазах у изумлённых людей из под закрытых век усопшей к вискам потекли слёзы.

Народ попятился, а Ульянкина мать кинулась к гробу с криком:

— Она живая, плачет, пусти!

Последнее она крикнула к успевшему обхватить её мужу. Рядом оказалась Ворожея. Она сунула под нос несчастной женщины резко пахнувший флакон и сказала:

— Тише, милая, тише. Не слёзы это. Тело на леднике лежало, оттаивает на жаре. Не вернёшь Ульяну, а вот душу её отмолить можно попробовать.

— В церкви ж нельзя, — произнесла немного пришедшая в себя Ульянкина мама.

— После научу, как и без церкви, — пообещала Ворожея.

Лишь это обещание, да возможность хоть душу Ульянкину спасти, помогли её матери продержаться до конца похорон. Тихим получилось прощание. Не положены были тем, кто руки на себя наложил, ни причитания, ни песни похоронные. Да и слёзы тоже, но кто от них удержится? Староста не удержался. Прошептал у гроба:

— Прости, Ульянушка, сына моего непутёвого. Да меня за то, что должно не воспитал, — отошёл и вытер глаза рукавом рубахи.

— Вот и привёл бы сына, пусть бы посмотрел, — сказала одна из старушек.

— Поучил я его кнутом, отлёживается, — глухо ответил староста.

Васятка к гробу близко подходить отказался, как старушки ни настаивали.

— Не трожьте, — распорядилась Ворожея. — Парнишке и встречи с мавкой хватило. Иван, ты на днях приводи сынка, отолью испуг.

Егор простился с подругой детства, молча. Понял он её матушку, и впрямь, как живая лежала Ульянка, аж оторопь брала. Совсем такая как раньше, до пагубной любви к Степке. У Егора не возникло того страха, что у Васятки. Только горе, жалость, боль от потери и обещанные Ворожеей слёзы.

Стук молотка о гвозди, забиваемые в крышку гроба, показался слишком громким после тишины. Благо, справился могильщик быстро.

Вместе с другими мужиками Егор опустил гроб на полотнах в могилу. Как положено, кинул горсть земли. Вместе со всеми постоял у невысокого холма. Немного успокоило, что и здесь появится плита, не останется безымянным последнее Ульянкино пристанище.

Егор помог старосте впрячь коня. Семья Ульяны отправилась домой на телеге. Остальные пошли в село пешком. Маменька тепло попрощалась с Ворожеей, пообещав занести платок и калоши на днях. Егор, с удивлением обнаруживший, что нога почти не болит, ещё раз поблагодарил Ворожею и тоже попрощался.

— И вам до свиданьица, — произнесла она. — А я тут, у Ванечки посижу. Жаль, что поминать его лишь раз в году после Пасхи можно.

Ворожея направилась к дальнему холмику, около которого стояла скамья и рос куст черёмухи, а Егор с маменькой отправились догонять остальных.

Люди шли, не спеша. Одна из соседок, сноха деда Зуды, передала маменьке новости из Семёновки, что её свёкор у Ивана-кузнеца выведаль.

— Ульянкина тётка, как узнала, что племяшка утопла, без чувств упала. В себя привели, а у неё рука с ногой не двигаются, и говорить толком не может. В город увезли, в больницу. Доктора говорят: не жилица, — рассказала соседка.

— Плохо это, — покачала головой маменька.

— Да уж чего хорошего, — согласилась соседка. — Ежели до сорока дней помрёт, не дай Бог, жди в их семье ещё одного покойника. Тело Ульянушки в покойницкую, что при околоте, на ледник стражники поместили. А о том, чтоб родню известить лишь к ночи вспомнили. По темноте решили не ехать. Но туда и впрямь дорога разбитая. Иван, когда гроб сюда вёз, канатом обвязывал. Ну, всё обсказала, побегу, а то свекровка съест, что так долго. Сама-то

успавших боится, а знать всё надо. Да, Егорша, тебе и Васятке с Филькой в ночное сегодня не идти. Свёкор сам управится.

Соседка ускорила шаг, да и Егор с маменькой заторопились, им ещё предстояло на стан добираться. Дома переоделись, маменька дала деду пересчитать оставшиеся деньги, затем сама убрала за оклад с иконами. Бабушка Егорова похлёбку сварила, за что маменьку сто раз упрекнула, когда обедать садились.

— Так я б всё равно на дальних лугах была, — напомнила ей маменька. — Лучше б спросили, как с Егоршей получилось.

— Как? Как? — запрыгали вокруг сестрёнки.

— Всё в порядке будет с братцем вашим, — ответила им маменька.

Про новость, о которой сказала Ворожея, и о которой сама догадывалась, говорить не стала, приберегая для мужа.

На стан они добрались, когда стряпуха доваривала в общем котле кулеш. Егор тут же принялся раздувать угли на самоваре, а маменька помогла расставлять миски. К приходу косцов как раз управились. В положенные после обеда полчаса отдыха, маменька подошла к отцу Егора отвела в сторонку и принялась что-то быстро рассказывать.

Егор, даже не слыша, знал, о чём речь. Когда отец посветлел лицом и гордо расправил плечи, Егор подумал: «Точно, узнал, что маменька парнишкой в тягости. Вот об заклад готов побиться, что о наказе Ворожеи маменька словом не обмолвилась. Ничего, я сам скажу, как случай представится».

Случай представился быстрее, чем он думал. Поздно вечером, когда вернулись домой, бабка, увидев, как сын непривычно ласков со снохой, не удержалась.

— Сынок, — протянула она, добавив в голос елея, — ты, случаем, не забыл, что бабу свою поучить хотел?

Отец растерялся, а Егор, пока он чего не надумал, сказал:

— Тётушка Ворожея вам, батюшка, передать велела, что ежели маменьку бить будете, пока она в тягости и дитё грудью кормит, то она вас мужской силы лишит.

Про кормление Егор уже от себя добавил, а маменька поправлять не стала. Глянула лишь благодарно.

— Не бойся сынок, эта ведьма Ворожея и не то наговорит, — проворчала бабка.

Её, как обычно, не слушали, давно привыкли в семье к постоянному ворчанию. Отец Егора посмотрел на деда и спросил:

— Неужто и впрямь может?

Старик хмыкнул, почесал затылок и ответил:

— Помнится, лет этак пятнадцать назад Ворожея так грозилась Афоньке Кривому. Ну, тот жену не просто учил, смертным боем бил, ни одного дитёнка выносить не могла.

— И что? — спросил отец.

— Было ли, никто достоверно не знает, а вот как Афонька в ногах у Ворожеи валялся, многие видели. И женку с той поры он пальцем не трогает, — ответил дед.

— Спать пора, утомилась я сегодня, — произнесла маменька и скрылась за занавеской.

Егор улёгся на свою лавку, девчонки давно спали на печке. Бабка поворчала и тоже угомонилась, отправившись в их с дедом закуток. Дед же с отцом, затушив лампу, вышли посидеть на крыльцо, потянуло дымком. Редко отец курил, а тут достал самокрутку. Не укладывалось в голове как это, бабу свою и не учить.

Егор же, засыпая, думал, что без всяких наказов на жену свою будущую ни разу руку не поднимет.

Глава пятая. Девятый день

С лёгкой руки Ворожеи, да от мази ею данной, нога у Егора быстро зажила. К концу сенокоса он уже не кашеварил, а с мужиками вместе косил. В радость ему работа стала, как застоявшемуся в конюшне скакуну.

— Ты, Егорша, жилы-то, с непривычки, не рви, — сказал ему отец в первый день, как Егор в ряд с остальными встал. — Не разогнёшься опосля.

Отец, как маменьку учить кулаками перестал, так и к сыну подобрел. Хотя и раньше, сызмалу, Егор половину тумачов получал за то, что смел за маменьку вступаться.

Сенокос закончился, а там и до страды рукой подать. Всего неделя осталась. В хозяйствах старались побольше домашней работы переделать, но в воскресенье, как всегда, отдыхали. Сходили с утра в церковь на воскресную службу, парни с девками гулянья к вечеру наметили.

Егор после церкви собрался на могилку к Ульянке сходить, так совпало, что в воскресенье это девять дней с её смерти. Маменька, заметив, что он с главной улицы не туда сворачивает, успела ухватить его за рукав косоворотки.

— Не на Неупокоенное ли кладбище собрался, сынок? — спросила она.

— Туда, — ответил Егор и поспешил добавить: — Помнишь, тётушка Ворожея сказывала, что стережёт грешные души. Нечего там опасаться.

— Нельзя поминать, — напонила маменька.

— Так я и не буду, отнесу цветочков полевых, Ульянка любила из них венки плести. Не бойся, маменька. Вон батка стоит, тебя ждёт. Хмурится, — сказал Егорша.

— Ладно уж, иди, — разрешила маменька, развернулась и, не спеша, пошла-поплыла к ожидавшему её мужу.

Как перестала ждать кулака мужниного, так распрямила плечи, расцвела, с пяток годков скинула. Егор даже залюбовался. Статная у него маменька красивая. Пожалел, что лицом в неё не уродился. Сельские девицы на него и так не часто заглядывались, а последнее время и вовсе стали шарахаться, как от чумного. Случайно услышал, что прозвали его «мавкиным женихом».

Утешало немного, что и красавчик Степан тоже у девок в немилость попал. Появился он на людях через три дня, как староста его кнутом поучил. Подружка сердечная тут же отставку ему дала, а больше и не нашлось той, что не убоилась бы на пути озлобленной русалки встать. Не помогли Степану ни речи медовые, ни красота писаная, ни стать богатырская. Как сплетничали на селе, хотел парень напоследок погулять, ведь староста прилюдно поклялся оженить оболтуса на Покров.

Обо всём этом Егор думал, пока шёл к дороге, ведущей на Неупокоенное кладбище. Ещё об одном пожалел, что не пойдёт на гулянья. Не веселиться хотел, нет, найти повод Степану рожу набить. Без повода неловко перед старостой было, тот ведь вину сыновью, как мог, заглаживал.

По пути Егор завернул на луг, собрал цветы, и решил венок сплести для подружки детской. Получился венок неказистым, во все стороны цветки да ветки торчали, но крепким.

До Неупокоенного кладбища оставалось рукой подать, Егор вновь задумался. Вспоминал их с Ульянкой детские проказы. Не заметил, как дошёл. Огляделся и вздрогнул, увидев около нужного холма могильного чёрную фигуру. Но тут же от сердца отлегло, узнал соседку, мать Ульянкину. Она сидела на установленной недавно скамейке. На холмике имелась каменная плита с именем и годами жизни, как Ворожея и обещала.

— Егорша, здравствуй, — ответила на приветствие Ульянкина мать. — Благодарю, что не забываешь мою несчастную доченьку. Садись. Поминать нельзя, так просто посидим.

— Вот, Ульянка любила плести, — неловко укладывая веночек на плиту, сказал Егор. Он снял с головы картуз, засунув за пояс, и тоже присел на скамейку.

— Хорошо, что веночек принёс, — неожиданно сказала соседка. — Старики говорили, раньше, если умирала невеста, помолвленная, но ещё не венчанная, жених в могилу кидал веночек свадебный, чтоб следом не утонула. А в день Ульянушкиных похорон, я о том обычае и не вспомнила. Надо было и тебе кинуть. Но и так ладно будет.

— Слышал я, у Васятки прошёл испуг, — произнёс Егор.

— Его, да и Фильку для компании, водили к Ворожее. Отлила. Даже в ночное с дедом Зудой ходили. Но сегодня не пушу от греха подальше. Девятый день, да и душенька пока неупокоенная. Но я отмолю.

Соседка разговорилась. Оказывается, Ворожея подсказала, как можно самоубийцу без церкви отмолить. Нужно в доме выделить молельную комнату, там молиться и свечи ставить.

— А сестрица как ваша? — спросил Егор.

— Иван к ней в город ездил, я-то пока толком ходить не могу. Плоха, не узнаёт никого, — ответила соседка и тяжело вздохнула.

Егор по растерянному виду Ульянкиной матери понял её сомнения: хочется, и чтобы страдающая быстрее отмучилась, и чтобы дольше сорока дней от смерти племянницы протянула.

На дороге показалась телега, лошадей правил Иван-кузнец. Он поручался с Егором и, взяв под руку жену, осторожно повёл к телеге.

— Поехали с нами, — предложил он Егору. — Нога-то твоя недавно зажила, не стоит сильно натруждать.

Егор согласился, понимая, что сосед хочет так поблагодарить его за память о дочери.

Вечером во время ужина в дом Егора зашёл дед Зуда.

— Хлеб да соль, хозяйева, — произнёс он смиренно и, сняв картуз, перекрестился на красный угол.

— Ем, да свой, а ты рядом постой, — выпалила бабка, прежде чем кто рот успел открыть, гостя за стол пригласить.

Деда Зуду Егорова бабушка ещё больше снот не любила. Он по молодости много ей крови попортил шуточками да насмешками. Дед грозно на бабку глянул и сказал:

— Садись, соседка, с нами, не побрезгуй.

— Благодарствуй, — вновь смиренно ответил дед Зуда, присаживаясь за край стола.

Маменька Егора быстро метнулась за миской и ложкой, наложила из чугунок разваристой картошечки с курочкой, это своя семья из одной посуды ела, гостю отдельная положена. Она и пучок лука зеленого, и солонку ближе пододвинула.

Всем было понятно, неспроста дед Зуда явился, и за стол сел, и на бабкины слова не ответил. Точно, что-то нужно. Но семья продолжила чинно ужинать, за едой расспрашивать не пристало.

Поев картошечки, попив компот, дед Зуда вначале поблагодарил, а потом уже к делу приступил.

— По твою я душу, Егорша. Прошу со мной в ночное сходить. Пострелята только-только после встречи с мавкой оклемались. Не гоже их на девятый день тревожить. Полнолуние опять же.

Маменька, убиравшая со стола посуду, отставила чугунок и встала напротив деда Зуды, уставив руки в бока.

— Значит, пострелят не гоже трогать, а Егоршу можно? — грозно спросила она. — Мало нам было по церквям, да ворожеям ходить?

— Ох, и вкусно ты готовишь, хозяйюшка, — подольстился дед Зуда.

Бабка, не выдержав похвалы ненавистной снохе, выпалила:

— Была б капуста и курочка, сготовит и дурочка.

На неё, как обычно, не обратили внимания. Егор сказал:

— Маменька, при вас же Ворожея сказала, что мне нечисти можно не бояться. Схожу я.

— Дело, дело говоришь, — закивал дед Зуда. — Слух пошёл, конокрады в соседних деревнях объявились. Барин мне старенькое ружьё охотничье отдал. Но оно ведь только для острастки, стреляет через два раза на третий. Ежели один буду, варнаки могут и не побояться.

Подозревал Егор, что дело не только в конокрадах, старик и сам боится ночевать один на лугу в девятый день от Ульянкиной смерти, но вслух другое сказал:

— Серого тогда возму, он и сторожит хорошо, и не брешет, почём зря — волчья порода. Батька, маменька, отпустите.

— Иди уж, — согласился отец. В общем табуне и их лошади паслись: жеребец Ворон, две кобылы и жеребёнок.

Маменька вздохнула и принялась собирать Егору корзинку с провизией.

Отправились на выпас в сумерках. Когда к табуну подошли, Егор за ошейник Серого ухватил. Пёс зарычал на дневного пастуха, тот проживал в барском поместье, в селе не часто появлялся. Пастух бочком-бочком прошёл мимо пса и посеял по тропе, ведущей в село. Когда он скрылся из глаз, Егор сказал Серому:

— Лошадок охраняй, чужих не пускай.

Пёс внимательно посмотрел на хозяина желтоватыми глазами и, вильнув хвостом, скрылся среди высокой травы.

— Ишь ты, словно понял, — восхитился дед Зуда, слегка побаивающийся цепного кобеля соседей. — Куда это он?

— Сторожить, — ответил Егор, разводя костёр и чиркая кресалом. Спички имелись, но их берегли, по пустякам не расходуя.

Вскоре огонь разгорелся. Дед Зуда, обретший слушателя, принялся пересказывать Егору последние сельские сплетни.

Наступила ночь, на небе стали видны яркие звёзды и полная луна, казавшаяся невероятно большой и близкой.

Со стороны села какое-то время слышны были переливы гармонии и смех, но вскоре стихли. Гулянья закончились, разошлись парни с девицами по домам. Даже парочки влюблённые не остались.

Все опасались бродить в полнолуние — самое время для вурдалаков, ведьм и русалок.

Глава шестая. Полнолуние

Дед Зуда устроился на тулупчике напротив Егора. Новости закончились, а поговорить старику хотелось.

— Луна-то сегодня яркая, светло как. Ты чего на ней видишь?

Егор ответил:

— Бабушка говорит, это Каин Авеля на вилы поднял.

Дед хмыкнул презрительно.

— Придумает тоже. Слушай, как дело было. Случилось то во времена, когда люди старых богов почитали. Жила в селенье одна девица, красоты невиданной. Сам князь на неё заглядывался, когда с дружинниками мимо селенья на охоту ездил. Померла у этой девицы матушка, а батюшка недолго горевал. Привёл в дом новую жену, бабу видную, но жадную и злую. Возненавидела мачеха падчерицу: то ли на приданое глаз положила, то ли красоте позавидовала, извести надумала. Как-то мужик её уехал на ярмарку, а мачеха ближе к ночи отправила падчерицу за водой. Как раз полнолуние было. Боялась красавица, а пошла, батюшки-то нет, вступиться некому. Набрала она воду в вёдра, на коромысло повесила, к дому двинулась. Порадовалась, что беда минула, да рано. — Дед Зуда сделал многозначительную паузу и продолжил, зловеще понижая голос: — Откуда ни возьмись, появилась нечисть тьма тьмущая, закружила вокруг девицы в ведьминских плясках. Ни вперёд, ни назад ходу нет. Упыри зубы точат, русалки скалятся, оборотни воют.

— У-у-у-у, — раздался неподалёку леденящий душу вой.

Дед на месте подскочил, креститься начал. Егор поначалу пошутить хотел, но передумал. Ещё хватит старика кондратий.

— Дедуль, это ж Серый. Неужто не узнал? Сам же недавно жаловался, что наш кобель вам с бабкой спать не даёт, — сказал он.

— Растудить твоё коромысло! — в сердцах воскликнул дед. — Вот ведь напужал волчий сын.

Он достал из кармана зипуна чекушку и приложился к горлышку. Сделал несколько глотков и занюхал рукавом. Подумал, вынул из корзинки луковицу и горбушку хлеба. Егор тоже решил повечеровать. Вытащил пирог, что маменька сунула, разломил и протянул половину деду.

— Угощайся, дедка, чем богаты, тем и рады.

— Благодарствуй, — обрадовался дед Зуда. — Славно твоя маменька готовит. Что моей бабке, что вашей, не при них будь сказано, далеко до неё. Сказывали, она у вас парнишкой в тягости. Так вот, чтоб ей легко разродиться, голубушке.

Пирог дед ел, приставляя руку к губам, чтоб ни крошечки в бороду не уронить. Видать и впрямь его дома сдобой не баловали.

— Что там дальше-то с девицей? — спросил Егор, когда доели и молоком из крынки запили. Ему и впрямь интересно стало, чем сказка закончится.

— Так вот. Огляделась она, бедняжка, пусто вокруг, только нечисть всё ближе подвигается. Некого на помощь позвать. Возвела глаза к небу, готовясь смертушку принять, да луну и увидала. Взмолилась девица: Луна-матушка, помоги мне сиротинушке, возьми к себе на небушко, буду тебе служанкою верною. Тут с неба от луны луч опустил тропкою ровною, разогнал своим светом упырей да ведьм. Девица обрадовалась, да так с коромыслом по лучу к луне и пошла. Осталась она у луны в услужение, и стали звать её Дождевицею. В ясные ночи её на луне хорошо видать. Когда же ночью идёт дождичек — это девица-Дождевица из вёдер землю поливает.

Закончив рассказ, дед Зуда сел, обхватил руками колени и уставился в небо. Егор и вовсе лёг рядом на спину, закинув руки под голову.

— На девицу с коромыслом и впрямь больше похоже, — сказал он.

Егор начал задрёмывать, но его разбудил Серый, пробежавший мимо. Пёс, посмотрел на хозяина, сверкнув зеленым огоньком в глазах, и потрусил в сторону кустов у перелеска. Его серая шерсть почти сливалась с окружающей темнотой.

Егор сел, провожая глазами Серого. В перелеске он заметил мелькнувшую фигуру в белом. Дед Зуда, тоже это заметивший, вновь начал креститься и прошептал:

— Господи, дай эту ночь пережить.

— Егорша... — донёс ветер еле слышный шёпот, перешедший в стон.

Что-то белое мелькнуло уже ближе. Егор встал, дед Зуда потянулся за заветной бутылочкой.

— Егорша, иди ко мне, — вновь зашелестел шёпот. И неожиданно сменился на визг, рычание и детский вопль: — Волки! Спасите!

Егор кинулся в сторону кустов. Дед Зуда, сначала рванувший в противоположную сторону, опомнился и поковылял вслед за напарником. Пока он дошёл, Егор уже вытащил из кустов двух перепуганных парнишек, лет десяти, закутанных в куски белого холста. Серый стоял рядом и тихо, но довольно грозно рычал.

— Мы не со зла, попугать хотели, — сказал один из похожих друг на друга как две капли воды мальчишек. Он шмыгнул, утерев нос рукавом.

— Попугать? Вот я вам ухи-то надеру! — прикрикнул дед Зуда, присмотрелся и сказал: — Ага, Сидора-мельника двойнята. А ну-ка, пойдёмте, сдам вас батьке на руки. Егорша, присмотри тут за табуном, я в село.

— Дедка, не надо к батьке, — занял второй близнец. — Мы больше так не будем.

— А вот нечего было у меня яблоки красть, — злорадно сказал дед Зуда и погнал озорников в сторону села.

Егор вернулся к костру и сказал Серому:

— Это, конечно, не конокрады, но ты молодец.

Он достал из корзинки кусочек сахара и скормил на ладони верному сторожу. Заслужил. К тому же рядом не было никого, кто бы начал причитать, что он добро на скотину переводит. Егор и лошадок втихаря подкармливал. Живность он любил.

Подумав, что с таким сторожем и поспать можно, Егор прилёг на дедов тулупчик. Он не стал прислушиваться к доносившемуся со стороны посёлка шуму. Дед придёт, всё расскажет.

Сон накрыл, как только голова коснулась земли. Яркий, словно не сон, а явь.

Слепит летнее солнце, освещая всадника на холме. Всадник сидит на мощном вороном коне. В поводу второго держит. Гнедой скакун, словно танцует на месте, переставляя тонкие ноги. Рыжие грива и хвост и лоснящаяся шкура отливают золотом под солнечными лучами.

Всадник не здешний. Круглое смуглое лицо с чёрной бородкой и усами, раскосые тёмные глаза, шлем на голове, наплечники кожаные на парчовом кафтане, ножны на поясе. Главный воин, среди бесчисленного воинства, огибающего холм с двух сторон, как река. Тревога охватывает Егора, он понимает — перед ним враги, нужно бежать, бить в колокола, поднимать народ честной на битву.

— Дон-дон-дон, — звенит колокол.

Егор резко открыл глаза и понял, звон колокола — уже не сон. Что-то случилось в селе. Он вскочил с места, напряжённо всматриваясь: не пожар ли. Отблески виднелись, но это лампы и факела. Зарева Егор не увидел.

— Неужто снова кто пропал или утоп? — прошептал Егор.

Он надвое разрывался: хотелось бежать в село, но и табун оставлять нельзя. Вдруг переполох устроили конокрады, готовясь под шумок увести лошадей. Егор остался. Он стоял у

костра, поворачиваясь то к мирно пасущемуся табуну, то в сторону дома. Шум постепенно стихал. Отблесков от ламп становилось меньше.

«Если бы что дурное, не разошлись бы люди так быстро», — подумал Егор. Успокоиться успокоился, но на смену тревоге пришло любопытство. Нестерпимо захотелось узнать, а что это было?

Завидев деда Зуду, Егор не удержался и поспешил ему навстречу.

Дед ожиданий не обманул, сразу приступив к рассказу.

— Эти пострелята, мельниковы дети, невесть что придумали! — возмущённо начал он. — Вырядились привидением и давай народ пугать, в окна заглядывать. У дома старосты Степана звали, вот как тебя. Повыскакивали мужики из изб, да не сразу, ночь-то ведьминская. Пострелята уже к нам с тобой подались. За мужиками и бабы выползли. Кто-то из старух и скажи, что это Ульянка, упокой господи её душу грешную, на девятый день за жертвой явилась.

— Эх, подруженька, и после смерти тебе бедной покоя нет, — сказал Егор.

— Это что, — продолжил дед Зуда, взмахивая руками. — Собрались все идти на Неупокоенное кладбище. Могилку разрыть, да покойнице кол осиновый в сердце забить и водицей святой залить. В колокол ударили, народ собирая. Но я, Бог миловал, успел. Поведал сельчанам, что за покойнички здесь ходят. Чтой-то утомился я, прилягу, пожалуй. Ты, Егорша, ежели что, буди.

Дед лёг на тулупчик, плотнее закутался в зипун и вскоре засопел, похрапывая. Егор вновь присел у костра, вспоминая недавний сон и дивясь на него.

Неожиданно к нему вновь подошёл Серый и, слегка поскуливая, прижался к ноге. Егор погладил пса, успокаивая. Но тот замер, уставившись в одну точку. Проследив за его взглядом, Егор вздрогнул. За костром, напротив него стояла Ульянка. Как-то даже мысленно не поворачивался у Егора язык назвать её мавкой или утопленницей. Почти прозрачная, через неё виднелись и перелесок, и кусты, на голову с распущенными волосами был надет его венок. Ульянка приложила палец к губам, призывая не будить старика. Невольно Егор поднял руку, перекреститься. Ульянка отрицательно повертела головой, затем тихо-тихо сказала, не разжимая губ:

— Маменьке передай, пусть молится. Мне уже чуток до освобождения осталось. За Васяткой приглядите. Тётушка в эту ночь померла. Больше не приду. Прощай, Егорша.

Егор почувствовал, как глаза заволокло слезами, а когда сморгнул, за костром никого не было. Серый прилёг рядом и спокойно уснул.

— Хороши сторожа, — прошептал Егор, глядя на деда Зуду и Серого. — А за Васяткой мы присмотрим, Ульянушка. Спи спокойно, голубка.

Глава седьмая. Барчонок

Просидел Егор до рассвета, не смыкая глаз. Сон, словно ветром сдуло. И так, и этак думал, как же слова Ульянкины лучше передать, не выдавая, что она сама к нему являлась. Н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.